

19. См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011. С. 48–49.

УДК 94(470)"16/18"

ГРНТИ 03.23.31

ВАК 07.00.02

Пьянков Степан Александрович, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург); E-mail: kliostefan@mail.ru

СИСТЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: КРИЗИСЫ И РЕФОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблеме продовольственного обеспечения сельского населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Проанализированы размеры продовольственной и финансовой помощи, оказанной населению в периоды продовольственных кризисов. Представлены основные этапы в развитии законодательства, дискуссии по продовольственной проблеме в исследуемый период. Рассмотрены приоритетные направления трансформации системы продовольственного обеспечения в условиях социально-экономических катаклизмов (неурожай, голод).

Ключевые слова: Российская империя, продовольственное обеспечение, реформа, неурожай, голод, крестьянство.

P'jankov Stepan Aleksandrovich, candidate of Historical Sciences, Researcher of economic history department, Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences (Russia, Yekaterinburg); E-mail: kliostefan@mail.ru

FOOD SYSTEM LATE IMPERIAL RUSSIA: CRISIS AND LAW REFORM

The article deals with the problem of food supply of the Russian Empire rural population in the second half of XIX – early XX century. The scale of food and financial assistance provided to the population during the periods of food crises is analyzed. The main stages in the development of

legislation and debates on the food problem are presented. Priority directions of transformation of the food supply system under conditions of socio-economic disasters (crop failures, famine) are examined.

Key words: Russian Empire, food supply, reform, crop failure, famine, peasantry.

Во второй половине XIX – начале XX в. процессы формирования и трансформации системы продовольственного обеспечения населения страны были неразрывно связаны с рядом крупных социальных катаклизмов – неурожаями и сопровождавшими их голодовками населения. Масштабы бедствия голодных лет были различны, охватывая как отдельные регионы, так и значительную часть территории страны. Рассмотрим наиболее крупные из них, оказавшие губительные последствия и вызвавшие широкий общественный резонанс: «самарский голод» 1873 г., голод 1891–1892 гг., получивший наименование «Царь-голод», а также крупные неурожаи 1897–1898 гг., 1901, 1906, 1911 гг. [7, с. 53–66; 8, с. 92–93]. На примере сельской хлебозапасной системы мы попытаемся проследить как государство и общество реагировало на возникавшие угрозы.

Первые попытки системного решения продовольственной проблемы связаны с принятием «Продовольственного устава 1834 г.», созданного после сильнейшего неурожая 1833 г. Положения этого законодательного акта, возникшего еще в период крепостного права, продолжали действовать и в 60-х гг. XIX в. [11, с. 185–186]

С отменой крепостного права система продовольственного обеспечения претерпела изменения. Основная их суть сводится к тому, что с помещиков была снята обязанность по надзору за хлебозапасными магазинами, которые перешли в собственность крестьянских обществ. По закону 24 декабря 1862 г. надзор за исправным содержанием зданий магазинов и контроль за засыпкой в них зерна были возложены на уездных предводителей дворянства. С введением в 1864 г. в ряде губерний Европейской России земств, большая часть обязанностей по контролю перешла в руки губернских и

уездных управ. В ведении земств оказались и так называемые продовольственные капиталы – денежные резервы на случай неурожая, собираемые в губерниях по числу ревизских душ. Кроме того, в 1866 г. был образован имперский продовольственный капитал, состоявший в распоряжении Министерства внутренних дел (МВД). Имперский продовольственный капитал был создан на случай, когда местных натуральных и финансовых резервов было недостаточно. Таким образом, после введения земских учреждений, в России оформилось три уровня продовольственной системы: 1) натуральные хлебные запасы и заменяющие их общественные продовольственные капиталы, предназначенные на случай локального неурожая; 2) губернские продовольственные капиталы, предусмотренные для помощи в масштабе отдельной губернии; 3) общеимперский продовольственный капитал [5, с. 66–70].

Что касается способов резервирования, то оформившаяся система не претерпела коренного изменения. Так, например, размер засыпки зерна в хлебозапасные магазины оставался прежним и определялся в 1,5 четверти зерна на ревизскую душу. Губернские продовольственные капиталы были получены в результате прежних отчислений населения при расчете 48 коп. на ревизскую душу. Денежные средства сверх этой суммы были направлены в общеимперский продовольственный капитал [5, с. 69–70].

С самого начала своей деятельности реорганизованная система продовольственного обеспечения столкнулась с рядом трудностей. Основной проблемой было отсутствие у земств реальных полномочий для контроля над продовольственными резервами, а также возможностей по принуждению сельских обществ к своевременной сдаче зерна. Несмотря на просьбы некоторых земств о пересмотре устава, «применимого при крепостном праве и не подходящего к современным условиям», правительство не предпринимало никаких шагов по изменению действовавшего закона [3, с. 298–300].

Коррективы в продовольственное законодательство были внесены лишь после продовольственного кризиса 1873 г. в

Самарской губернии. «Самарскому голоду» 1873 г. предшествовали три неурожайных года, охвативших всю территорию губернии. Самарское земство, не могло решить продовольственную проблему самостоятельно и обращалось за помощью к правительству. Однако, самарский губернатор Г.С. Аксаков считал просьбы земства не обоснованными. Ситуация начала меняться лишь после публикации статьи Л.Н. Толстого о голоде в газете «Московские ведомости», которая получила большой общественный резонанс [17, с. 61–70]. В российском обществе развернулась кампания по сбору средств голодающим, а правительство было вынуждено обратить внимание на тяжелое положение самарского крестьянства и выделить ссуду в 1 млн руб. [9, с. 64–69] По мнению губернатора и правительства, тяжесть продовольственного кризиса была связана с тем, что земские управы допускали бесконтрольную раздачу ссуд. Кроме того, земства разрешали замену натуральных запасов денежными, не контролируя этот процесс. Хлеб из магазинов распродавался и раздавался, а продовольственные капиталы взамен хлеба так и не были внесены. В итоге самарские крестьяне встретили неурожайные годы без продовольственных запасов [5, с 72–74].

Ответной реакцией на события в Самарской губернии стал закон 21 мая 1874 г., регламентировавший деятельность земств в продовольственном деле. Закон обязывал земства следить за выдачей хлеба из магазинов и денежных средств из продовольственных капиталов, проверять верность приговоров сельских сходов о выдаче ссуд, сверять списки нуждающихся крестьян. Ограничивалась и самостоятельность уездных земств. Отныне уездная управа могла разрешить выдачу лишь половины от всего продовольственного резерва, чтобы выдать большую долю, требовалось заключение губернского земства. Замена натуральных запасов денежными теперь допускалась лишь с разрешения губернского земства и при условии внесения денег за весь хлебный запас в размере средней десятилетней цены. Более жестко регламентировалось и хранение продовольственных капиталов, которые должны были

находиться в государственных кредитных учреждениях [5, с. 74–76]

Вопрос о замене натуральных запасов денежными продолжал активно обсуждаться земствами. Среди земских деятелей были сторонники как натуральной, так и денежной системы резервирования. Сторонники денежной системы приводили целый ряд доводов: 1) денежная система более выгодна, особенно там, где менее развито земледелие; 2) хранение больших объемов зерна требует значительных расходов и связано с большими потерями; 3) при хранении денег в банке или ценных бумагах денежные накопления позволяют получать дополнительную прибыль; 4) при наличии денежных средств можно быстрее удовлетворить потребности населения в ссуде; 5) следить за правильным расходованием капиталов и взыскивать недоимки гораздо проще деньгами, чем следить за сохранностью зерна в отдельных сельских обществах [3, с. 313].

Сторонники сохранения натуральной системы резервирования отмечали, что закрытие хлебозапасных магазинов потребует создания крупных складов хлеба, а это обойдется земству дорого. Во-вторых, при полунатуральном характере крестьянского хозяйства, населению будет трудно оплачивать дополнительные денежные сборы. В-третьих, получая ссуду деньгами, крестьяне могут израсходовать эти суммы на сторонние нужды. В-четвертых, с введением денежной системы, усилится формализм при выдаче ссуд [3, с. 313–314].

Несмотря на многочисленные обсуждения и даже проекты по улучшению действовавшей системы продовольственного обеспечения, активных мер по ее реформированию в период с 1867 по 1891 гг. не предпринималось.

В 1891 г. в Россию постиг сильный неурожай, спровоцировавший голод. Неурожаем была охвачена 21 губерния, а недобор хлебов по империи относительно многолетней нормы составлял 29% [13, с. 32–33]. По разным оценкам жертвами голода 1891–1892 гг. стали от 375,0 тыс. до 654,5 тыс. чел [19, Р. 171; 14, с. 58; 18, с. 83–84, 90–91; 1, с. 119–

120]. Правительство и земство не были готовы к столь масштабному катаклизму.

По замечанию современников, голоду 1891–1892 гг. предшествовал ряд неурожайных лет. Неурожай 1891 г. лишь окончательно подорвал пошатнувшееся крестьянское хозяйство. Причем следует отметить, что первые сигналы о грядущем голоде игнорировались. Так, например, по воспоминаниям А.С. Ермолова, министр финансов А.И. Вышнеградский препятствовал обсуждению продовольственной проблемы, полагая, что это может спровоцировать падение курса российской валюты [5, с. 100–101]. Описывая настроения в среде высших чиновников в ноябре 1891 г., государственный секретарь А.А. Половцов отмечал: «... меня поражает ничтожность людей, составляющих петербургское правительство, ничтожность, доказываемая тем, до какой степени они потеряли голову пред таким фактом, как факт нынешнего хлебного недорода» [4, с. 389]. Угроза голода взбудоражила общественное сознание, в российской и зарубежной прессе появились публикации о состоянии дел в пострадавших регионах [16].

Быстро выяснилось, что местные продовольственные запасы не покрывали потребностей населения. К тому же, часть их значилась только на бумаге. По сведениям А.С. Ермолова, общий размер резервов к 1891 г. составлял 25% от требуемой по закону нормы, а в некоторых губерниях он был равен 5%. Размеры бедствия заставили государство действовать самыми разными методами: создание благотворительных комитетов, выдача продовольственных ссуд, организация общественных работ [5, с. 105–106].

Для выдачи населению продовольственных ссуд в пострадавших губерниях, закупался хлеб. Только на эти цели из государственного бюджета в 1891–1892 гг. было выделено около 152 млн руб. Общая схема приобретения зерна была следующей: правительство выделяло денежные средства, а земства самостоятельно, через комиссионеров покупали и доставляли зерно голодающему населению [5, с. 103].

Срочный характер закупок, отсутствие опыта у земских управ в торговых делах, взаимная конкуренция при закупках привели к тому, что цены на зерно выросли в несколько раз. Плюс ко всему, ситуация осложнялась еще и тем, что слабая транспортная инфраструктура, а зачастую и ее полное отсутствие, не позволяли доставить закупленный хлеб в нужное место и в нужные сроки. В результате – проведение продовольственной кампании сопровождалось значительными издержками.

После преодоления продовольственного кризиса 1891–1892 гг. наступил период относительного благополучия, продолжавшийся до 1897 г. В 1897–1898 гг. ряд губерний Европейской России вновь пострадали от неурожая. По данным статистика А.Е. Лосицкого, из 60 губерний Европейской России в 19 губерниях фиксировалось резкое падение сборов зерновых. Причем, в 12 губерниях было собрано менее 70% от среднего восьмилетнего сбора хлебов (1889–1896 гг.). Сельское население территорий, пораженных сильным неурожаем, составляло в 1897 г. 18,8 тыс. чел., а в 1891 г. 29,9 тыс. чел. [10, с. 28]. Как и в 1891–1892 гг. местные продовольственные резервы не покрывали потребностей населения. Однако, в отличие от продовольственной кампании 1891–1892 гг., в 1897 г. организация помощи населению была выстроена более эффективно. Для преодоления последствий неурожая был создан единый центр управления – межведомственное совещание под руководством директора Хозяйственного департамента МВД И.И. Кабата. Совещание занималось закупками, транспортировкой и распределением продовольствия через уполномоченных Министерства Финансов (МФ) и земских управ. В 1897 г. было распределено около 6 млн пуд. хлеба на сумму в 4,5 млн руб., выделенные из средств имперского продовольственного капитала. В 1898 г. неурожаем повторился, и на закупку хлеба было затрачено уже около 29,8 млн руб., на которые было приобретено около 34,4 млн пуд. хлеба. Кроме продовольственной помощи в губерниях, пострадавших от неурожая, были организованы общественные работы. В основном общественные работы были рассчитаны на

неквалифицированный труд: заготовка леса, ремонт и строительство дорог местного значения, мостов, осушение болот, укрепление оврагов. Разнообразную помощь пострадавшему населению оказывало и общество Красного креста, которое не только оказывало медицинскую помощь и устраивало благотворительные столовые, но и выдавало ссуды на приобретение лошадей и крупного рогатого скота [5, с. 146–148].

Тяжелое положение населения в годы неурожая, общественные дискуссии и колоссальные траты государства на нужды продовольствия свидетельствовали, что действовавшая продовольственная система со всей очевидностью проявила свою несостоятельность и требовала реформирования. Однако, законотворческая деятельность в этом направлении протекала крайне медленно. Работа по созданию нового продовольственного закона развернулась сразу после продовольственной кампании 1891–1892 гг. С этой целью 18 февраля 1893 г. была учреждена «Особая комиссия по пересмотру устава о народном продовольствии» под руководством товарища министра внутренних дел В.К. Плеве. Комиссия работала над новым законом о продовольственном деле на протяжении нескольких лет. Созданный комиссией законопроект был внесен министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным на рассмотрение Государственного совета лишь 12 марта 1899 г. Вскоре, после отставки И.Л. Горемыкина в 1899 г., законопроект был отправлен на доработку в МВД. Осенью 1899 г. законопроект был вновь направлен в Государственный совет за подписью нового министра внутренних дел Д.С. Сипягина и министра финансов С.Ю. Витте, а утвержден 12 июня 1900 г. Таким образом, на создание нового закона потребовалось более семи лет [3, с. 330; 5, с. 204–218].

Новый законодательный акт получил наименование «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей». Главными отличиями «Временных правил» от прежнего устава стало устранение земств от заведования делом народного продовольствия и отмена круговой поруки крестьянских обществ за полученные

ссуды. Полномочия по заведыванию над хлебозапасной системой на региональном уровне передавалось в ведение земских начальников, уездных съездов, губернских присутствий. Общий контроль за хлебозапасными магазинами, общественными и губернскими продовольственными капиталами осуществляли генерал-губернаторы и губернаторы. Заведование делами продовольственного обеспечения в масштабах империи возлагалось на Земский отдел МВД [8, с. 92; 15, с. 7, 30–36]. «Временные правила» вступили в действие 1 января 1901 г., к этому моменту земства должны были передать губернские капиталы в распоряжение губернских присутствий [5, с. 230].

Введение нового законодательного акта совпало с масштабным неурожаем 1901 г., который охватил 18 губерний и 2 области Российской империи, 5 из которых располагались в азиатской части страны. На охваченной неурожаем территории проживало около 24 млн чел. [5, с. 232].

В отличие от прежних неурожаев, в 1901 г. был заблаговременно выработан план помощи пострадавшему населению. Общее руководство продовольственной кампанией осуществлялось межведомственным совещанием при МВД, непосредственной закупкой продовольственного и семенного зерна занималось «Временное управление по правительственной закупке хлеба» при МФ. Всего было приобретено 28 млн пуд. зерна, в том числе около 14 млн пуд. ржи, около 9 млн пуд. овса, 4 млн пуд. пшеницы, а также около 1 млн пуд. прочих зерновых. Всего на преодоление последствий неурожая 1901 г. было израсходовано 33,5 млн руб. Кроме того, свыше 28 млн пуд. хлеба было выдано в ссуды из средств хлебозапасных магазинов и общественных капиталов [5, с. 232–239].

Параллельно с выдачей ссуд на продовольствие, как и предыдущие годы, активно практиковалась организация различных видов общественных работ, в том числе: лесозаготовка, строительство железных и шоссейных дорог, а также объектов водоснабжения. Всего в общественных работах приняли участие до 50 тыс. человек [5, с. 241–252]. Врачебная и продовольственная помощь была оказана обществом Красного

креста, которым было открыто 1400 столовых, более 140 пекарен и питательных пунктов, 10 чайных. В пунктах питания Красного креста получали пищу около 500 тыс. человек, 155 тыс. человек получили врачебную помощь [5, с. 258].

Несмотря на имевшиеся успехи, сохранялись и прежние проблемы, связанные с трудностями доставки продовольствия, особенно в отдаленные местности, где отсутствовал железнодорожный транспорт [5, с. 240]. Не решена была и застарелая проблема роста долгов в продовольственные капиталы всех уровней. По мнению А.С. Ермолова, рост задолженности был связан не столько с неспособностью административного аппарата выполнить требования закона, сколько с явным несовершенством законодательных актов. Действовавшие «правила» не предусматривали выдачи безвозвратных пособий. Крестьяне получали зерно в ссуду. При этом, ссуда выдавалась лишь нуждающимся и неимущим, то есть тем, кто заведомо был некредитоспособен. А поскольку до введения «Временных правил», действовала круговая порука, и за выданные ссуды отвечало все крестьянское общество, то и в списки нуждающихся стремились попасть все члены общества. Появление новой законодательной нормы не смогло поменять сложившейся практики, крестьяне по-прежнему стремились «разверстать» полученную ссуду на всех общинников [6, с. 34–58].

Несмотря на явные противоречия, правительство не меняло принципы, положенные в основу продовольственного закона еще в первой половине XIX в. Предпринимаемые действия носили половинчатый характер. Так, например, 11 августа 1904 г. манифестом, изданным по случаю крещения наследника престола Алексея Николаевича, были прощены продовольственные ссуды, полученные населением еще в 1891–1892 и 1898 гг., а также ссуда на покупку рабочего скота населению Бессарабской губернии 1900 г. Кроме того, слагался целый ряд недоимок прошлых лет указом 5 апреля 1905 г. [5, с. 267–269]. Однако, суть проблемы по-прежнему не была решена. При каждом новом неурожае неминуемо возникали новые продовольственные долги.

Неурожай 1906 г., охвативший 18 губерний Европейской России, нанес новый удар по благополучию населения. Урожайность хлебов в этом году была ниже нормы на 23,9%, а в некоторых губерниях опускалась и ниже 70% (Рязанская, Харьковская) [13, с. 56]. По своим масштабам неурожай 1906 г. лишь немногим отличался от 1891 г., охватив территорию с населением в 44410 тыс. чел. [14, с. 48]. Положение населения усугубляло и развернувшееся революционное движение. Проведение продовольственной кампании совпало со стачкой железнодорожников, что делало невозможным своевременную доставку хлеба в пострадавшие регионы. Частыми явлениями были и прямые нарушения продовольственного законодательства. Наиболее распространенным из них были самовольные разборы зерна из хлебозапасных магазинов. Но даже в этих условиях, помощь населению была оказана. Всего на ликвидацию последствий неурожая из государственного бюджета было потрачено около 77,5 млн руб. На эти средства было куплено и роздано в ссуду 75 млн пуд. семенного и продовольственного хлеба [5, с. 285].

Затраты на продовольственные кампании из средств государственного бюджета были вынужденной мерой, что было связано с отсутствием средств в общеимперском и губернских продовольственных капиталах. Череда неурожайных лет, изъяны продовольственного законодательства, а также слабая платежеспособность населения, привели к тому, что за крестьянами числились огромные долги. Так, например, совокупный долг населения 47 губерний Европейской России на 1 января 1909 г. исчислялся в размере 309,5 млн руб., из них 203,6 млн руб. (66%) составляли долги в общеимперский продовольственный капитал, 105,9 млн. руб. (34%) население было должно в губернские и общественные капиталы (включая задолженность в хлебозапасные магазины, из расчета 50 коп. за пуд. зерна) [6, с. 28–29].

Попытки исправить накопившиеся противоречия в системе продовольственного обеспечения были предприняты в ходе реформ П.А. Столыпина. В 1909–1910 гг. предлагались новые подходы к организации продовольственного дела. Лейтмотивом

разрабатывавшихся проектов была ставка на «самопомощь». По замыслу разработчиков нового устава о народном продовольствии, натуральные запасы (6 пуд. на душу), или их денежный эквивалент, хотя и сдавались в хлебозапасный магазин, но оставались в личной собственности крестьян. Наряду с этим, проектом устава предусматривались организация общественных работ, продажа хлеба по заготовительной цене. Для нетрудоспособных групп населения проектировалась помощь на началах благотворительности. Однако, несмотря на острую необходимость реформировать существующую систему, новый устав так и не был принят [2; 12, с. 270–276].

В 1911 г. в России вновь разразился масштабный неурожай, который затронул 40 губерний Российской империи. Только в европейской части страны неурожаем была охвачена территория с населением в 26542 тыс. чел. [14, с. 48]. Для борьбы с последствиями неурожая государственным казначейством было выделено 161,3 млн руб. Большая часть этой суммы 97,1 млн руб. (60 %) была потрачена на приобретение хлеба, который был выдан в виде ссуд, а также продан по заготовительной цене. На организацию общественных работ правительство потратило 42,7 млн руб. (26%), остальная часть – 10,3 млн руб. (6%) потрачена на благотворительную помощь [2]. Продовольственная кампания 1911-1912 гг. стала последней в череде «сражений с неурожаем» в Российской империи.

Обобщая выше изложенное, мы приходим к выводу, что созданная в России к началу XXв. система продовольственного обеспечения сохраняла принципы функционирования, заложенные еще в первой половине XIXв. Неоднократные попытки усовершенствования «продовольственного дела» подчеркивают сложность стоявшей перед реформаторами проблемы. Очевидным противоречием реформ продовольственной системы было желание совместить два противоположных принципа. Первый – принцип «самообеспечения» крестьянского населения, подразумевавший самостоятельность хозяйствующих субъектов. Второй – принцип патернализма, где «право голоса» принадлежало верховной власти. Желание правительства сконцентрировать

управление продовольственными резервами в своих руках неизбежно вело к росту издержек со стороны государства. В результате – правительство с трудом справлялось с взятыми на себя обязательствами. В этих условиях, неизбежные ошибки в управлении «продовольственным делом» становились объектом критики со стороны общества и политических оппонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. / отв. ред. К. И. Шабуня. М.: Наука, 1984. 232 с.

2. Белокуров Е. В. Неурожай 1911 г. и общественные работы в России: [Электронный ресурс]. <http://mkonf.irigan.ru/papers.php?id=179> (дата обращения: 10.10.2015).

3. Веселовский Б. История земства за сорок лет. В 4-х т. Т. 2. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. 703 с.

4. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2-х т. Т. 2. 1887–1892 гг. / ред. и коммент. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. 576 с.

5. Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. 599 с.

6. Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос Ч. 2. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. 375 с.

7. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М. РОССПЭН, 2008. 549 с.

8. Корнилов Г. Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Российская история. 2011. № 3. С. 91–101.

9. Леонов М. М. Русское консервативное общество и голод 1873 года в Самарской губернии // Самарский земский сборник. Вып. 3 / Под. ред. П. С. Кабытова, А. Н. Завального. Самара: Изд-во Самарский университет, 1996. С. 64–69.

10. Лосицкий А. Е. Размеры неурожая 1897 г. // Труды Вольного экономического общества. Т. 1. Кн. 3. СПб.: Тип. В. Демакова, 1898. С. 23–75.

11. Мацузато К. Сельская хлебозапасная система в России 1864–1917 гг. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185–197.

12. Могилевский К. И. Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908–1910) / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2008. 328 с.

13. Обухов В. М. Движение неурожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство / Под ред. В. В. Громана. М.: РАНИОН, 1927. С. 1–159.

14. Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М.: Наука, 1966. 490 с.

15. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Т. 1. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 552 с.

16. Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 20 с.

17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 17. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. 814 с.

18. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136с.

19. Robbins R. G. *Famine in Russia, 1891–1892: the Imperial Government Responds to a Crisis*. New York; London: Columbia University Press, 1975. XVI, 262 p.

УДК 94(47).082:303.446.4(70)

ББК ТЗ(2)53+Т1(7) 6-82

Михалев Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории и археологии УрО РАН; 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; тел. (343)374-42-05; e-mail: n.mikhalev@mail.ru

ГОЛОД 1891 Г. В РОССИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИЧАРДА РОББИНСА¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению зарубежной англоязычной историографии истории голода 1891 г. в России. В ней анализируются основные положения работы американского историка Р. Роббинса «Голод в России, 1891–1892. Императорское правительство отвечает на кризис». Опубликованная в 1975 г., она до

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01266 а2.